

Положив руку на сердце, Хэ Цзинпин не считал, что переоценивает свои силы.

Да, в ратном искусстве он не то чтобы преуспел, однако, понаблюдав за походкой и движениями челяди и стражи в управе, пришёл к выводу: здешние умельцы уступают даже ему. Он не собирался устраивать переполох, лишь хотел с глазу на глаз расспросить Иншу.

А если что-то пойдёт не так, уйти от погони он точно сумеет.

Ворота Бамбукового города запирали в час Быка, а отпирали в третью четверть часа Тигра. Цзинпин прикинул время: если всё пройдёт гладко, он управится до того, как опустятся засовы, и незаметно проскользнёт назад в свою каморку. Если не успеет — переждёт ночь в каком-нибудь укромном уголке и вернётся с первыми лучами солнца, едва распахнутся городские ворота.

Приняв решение, он отбросил сомнения.

Цзинпин тихо выбрался из дворика и, пустив ци по жилам, во весь опор помчался к усадьбе префекта.

Эта дерзкая мысль закралась в голову юноши ещё на исходе званого ужина. Сделав вид, будто ему нужно отлучиться по нужде, он побродил по усадьбе и, притворившись неотесанным деревенщиной, завязал праздный разговор с провожатым слугой. Тот, преисполнившись превосходства перед провинциалом, без утайки выболтал, где находятся покои господина Фаня.

В делах плотских Цзинпин был сущим младенцем, но о соитии мужчин и женщин имел смутное представление. В детстве, после того как на его долю выпали страшные бедствия, двоюродная бабушка укрыла его в глухой деревушке. По соседству жила чета молодожёнов. По ночам из их дома то и дело доносились странные, громкие звуки. Любопытный мальчишка спросил тогда у тётушки Хуа, почему соседка плачет каждую ночь и уж не обижает ли её муж.

Тётушка нахмурилась, растерялась и, помедлив, выдала: «Это потому, что муж её сильно любит. Каждый вечер он рассказывает ей чудесные сказки, вот она и плачет от избытка чувств».

Уже тогда Цзинпин заподозрил неладное, хоть и не мог понять, в чём именно его водят за нос.

Позже, скитаясь по свету, он сменил немало приютов. Одиноким, лишённым сверстников, он коротал дни в чайных домах, слушая рассказы бродячих сказителей. И вот однажды, когда старик заговорил о таинствах брачной ночи — о том, как за пологом раздаются «нежные вздохи и прерывистое дыхание», — до глупого мальчишки наконец дошло.

Тело Цзинпина всё ещё не окрепло после яда, и от быстрой ходьбы его прошиб холодный пот.

Скрывшись в густой тени у крепостной стены префектуры, он задумался: а что, если Фань Хун держит Иншу прямо в своей опочивальне и не выпускает ни на шаг?

Впрочем, раз уж пришёл, отступать поздно. Придётся решать проблемы по мере их появления.

Ограда высилась неприступной кручей.

Убедившись, что улица пуста, Цзинпин разбежался, оттолкнулся от стены, уцепился за край и, подтянувшись на руках, ловко перемахнул на крышу пристройки.

Подошвы тряпичных туфель с негромким стуком коснулись черепицы.

Сердце ушло в пятки. Цзинпин мгновенно присел, затаив дыхание, и замер на несколько мгновений. Убедившись, что его никто не заметил, он шумно выдохнул, чувствуя, как остывает липкий пот на спине.

Он двинулся по крыше к покоям префекта. Но усадьба была старой, черепица под ногами шаталась и норовила загреметь от любого неосторожного движения.

Приходилось ступать аккуратно, словно по минному полю. Цзинпин мысленно сокрушался: правду говорят — когда доходит до дела, знаний всегда не хватает. С боевыми искусствами та же беда.

К счастью, резиденция префекта оказалась не такой уж огромной, и вскоре Цзинпин добрался до места.

Глянув вниз, он заметил дежурного слугу под навесом галереи — тот дремал, привалившись к резному столбу.

Вокруг царило безмолвие осенней ночи.

Цзинпин осмелился взобраться на крышу покоев, но снимать черепицу побоялся. Он просто прижался ухом к прохладной глиняной поверхности, ловя звуки изнутри.

Там разговаривали. Голос принадлежал префекту Фаню.

Тот цедил раздражённо и резко:

— Я так тебя защищаю, а ты всё о смерти помышляешь!

Вслед за этим воцарилась долгая, тягучая тишина.

Цзинпин недоумевал.

«Поругались, что ли? Почему замолчали?»

Внутри покоев терпение Фань Хуна лопнуло. Голос его сорвался на крик:

— Да ответь же ты! Я к тебе со всей душой, а ты так мне платишь?!

Раздался звон разбитой посуды, а за ним — приглушённый стон Иншу, которому, похоже, досталось.

Должно быть, префект обошёлся с пленником слишком грубо. Тот тяжело перевёл дух и ответил спокойным, почти равнодушным тоном:

— Тот юноша был прав. Вам любя лишь моя внешность, но вы в ярости от того, что я вас обманул. Вы из кожи вон лезете, чтобы удержать меня рядом, только ради одного — сломить мою волю и выместить свою злобу.

Фань Хун опешил, а мгновение спустя презрительно усмехнулся:

— Пусть даже так, и что с того? Быть при мне всё лучше, чем принять лютую смерть на плахе в Еяне. Когда ты сегодня заживо срезал кожу и плоть с человека, тебе было страшно? Ты задумывался, что совсем скоро то же самое сотворят с тобой? Тебе будет не просто больно — толпа зевак станет глазеть на каждый лоскут твоего тела, утоляя свои грязные похотливые фантазии.

Голос оборвался. Послышался глухой удар и тихий вскрик Иншу.

Фань Хун, злобно дыша, процедил сквозь зубы:

— Раз уж так жаждешь смерти, лучше прими её от моих рук...

Цзинпин похолодел от ужаса. Если Иншу сейчас убьют, он так ничего и не узнает!

В панике он попытался сдвинуть черепицу, чтобы заглянуть внутрь, но от малейшего прикосновения сухая глина и пыль начали сыпаться в щели прямо на головы тех, кто был в комнате. Действуя с предельной осторожностью, Цзинпин возился с неподатливыми пластинами, проклиная всё на свете, но черепица не поддавалась, а лоб его уже заливал горячий пот.

— Надо же, за полночь, а мы не спим, чужие крыши разбираем? — раздался за спиной тихий,

насмешливый шёпот, от которого Цзинпин едва не подпрыгнул.

Плотная ткань на лице и впрямь мешала обзору, но слух у него был отменный. И всё же он совершенно не расслышал, как этот человек подошёл, сколько простоял рядом...

Появился бесшумно, будто призрак.

К счастью, Цзинпин мгновенно узнал и этот голос, и эту ауру.

Повернув голову, он прошептал:

— Господин... господин Ли? Как вы здесь оказались?

В серебряном свете луны Ли Яо стоял, укутавшись в тёмно-серый, почти чёрный плащ. Глубокий капюшон скрывал его приметные седые волосы. Из-под плаща виднелось нарядное бирюзовое одеяние — то самое, в котором он щеголял на вечернем пиру.

Ли Яо смерил его недовольным взглядом и сердито буркнул:

— Гляжу я на тебя и диву даюсь. Смелый ты, малец, аж прибить хочется.

Ли Яо действительно собирался спать, но, проснувшись среди ночи, затревожился: ведь яд из тела мальчишки вышел не полностью. Решил заглянуть к нему в комнату. Зашёл — а постель пуста. Осмотрел всё: под кроватью нет, в шкафу нет, в уборной тоже пусто! Постоял, погонял в жилах кровь, прикинул в уме, куда могла понести нелёгкая этого сорванца, и бросился вдогонку. И застал его на этой крыше за воровским ремеслом.

Истинно говорят: глуп и отважен, сам себе могилу копает.

Цзинпин, видя, что наставник не в духе, втянул голову в плечи и приготовился выслушивать нагоняй.

Однако Ли Яо вдруг присел рядом и одним лёгким движением, бесшумно и небрежно, снял черепицу.

А затем без лишних церемоний заглянул в образовавшуюся щель.

Цзинпин тоже сунулся было следом, но Ли Яо, не говоря ни слова, притянул его к себе и крепко зажал ладонью глаза.

Юноша опешил и хотел было возмутиться, но Ли Яо зажал ему и рот:

— Тс-с. Не смотри, зрелище не для твоих невинных глаз. Ещё ослепнешь.

Тёплое дыхание коснулось уха Цзинпина, вызвав лёгкую щекотку.

Не успел юноша опомниться, как Ли Яо обхватил его за талию и увлёк за собой. Они взмыли в воздух, словно опадающие листья, бесшумно преодолели стену усадьбы и опустились на мостовую пустынной улицы.

— Стой здесь и не шевелись, — Ли Яо прислонил его к стене, словно хрупкий сосуд, и, всё ещё не доверяя сорванцу, пригрозил пальцем: — Слушайся меня.

Цзинпин замер. В этой негласной команде сквозила странная, давно забытая им забота — суровая, но дарившая удивительное чувство безопасности. Вопреки обыкновению, диковатый по натуре юноша не почувствовал протеста. Пока он предавался этим мыслям, Ли Яо уже взмыл обратно на крышу. Он двигался легко и бесшумно, точно огромная ночная птица; полы его плаща вздувались от ветра, очерчивая силуэт крыльев. Мгновение — и он растаял в темноте.

Вокруг вновь воцарилась ночная прохлада. Осенний ветер овеивал лицо Цзинпина, остужая кожу там, где мгновение назад её касались тёплые пальцы Ли Яо.

И тут до юноши наконец дошло.

«Почему это мне нельзя смотреть?»

Прежде мысли его были заняты внезапным появлением Ли Яо, но теперь, оставшись наедине с собой, он сообразил, о какой именно «смерти» толковал префект Фань.

Щёки юноши вспыхнули румянцем.

«Ишь какой... Сам пошёл смотреть, а меня прогнал! И не боится ведь, что глаза лопнут!»

Тем временем Ли Яо вернулся к пролому в крыше и бросил взгляд вниз. Фань Хун изливал свою похоть и ярость. Ноги Иншу были искалечены, руки связаны верёвкой и подвешены к балке, но он сносил издевательства без единого звука.

Ли Яо отвёл взор. Он устроился на скате крыши, посматривая на улицу за оградой усадьбы. Отсюда ему была видна тень Цзинпина. Мальчишка на этот раз послушно ждал на месте, от скуки пиная мелкие камешки. Эта картина радовала глаз куда больше, чем то непотребство, что творилось под черепицей.

Прошло немало времени, прежде чем Фань Хун, окончательно обессилив, хрипло крикнул: «Эй,

кто-нибудь!».

Дежуривший на галерее слуга тут же востепенел. Вскоре в покои вошли служанки с тазами, чистой водой и свежим платьем.

Ещё через четверть часа слуга перевёл изнурённого Иншу в боковую пристройку.

Ли Яо с детства отличался буйным нравом, а до того, как отправиться на войну, успел послужить тайным лазутчиком, так что лазать по крышам умел отменно. Улучив момент, он бесшумно вернул черепицу на место, перебрался на крышу флигеля и скользнул в окно с теневой стороны.

Юный слуга как раз обмывал раны Иншу, смывая следы крови и нечистот, и тихо ворчал под нос:

— И зачем вы только перечите господину? Ему ведь нужно лишь, чтобы вы покорились, хотя бы притворились для виду... Глядишь, и не дошло бы до такого...

Договорить он не успел. Ли Яо бесшумно вырос у него за спиной и точным ударом в шею отправил в небытие. Мальчишка обмяк, даже не поняв, что произошло.

Иншу не проронил ни звука, спокойно наблюдая, как незванный гость бережно укладывает бесчувственного слугу на пол.

Тело пленника было покрыто багровыми кровоподтёками и глубокими укусами, из которых сочилась кровь. Ли Яо приблизился, и лицо его невольно помрачнело.

— И впрямь, почему бы тебе не уступить ему? — негромко спросил он.

Иншу сидел с разметанными по плечам волосами. Без женских нарядов и притираний в нём легко угадывался молодой мужчина.

Он слабо улыбнулся:

— Моя участь и без того незавидна. Всю жизнь я был лишь послушной глиной в чужих руках. Позвольте мне хотя бы умереть так, как я сам того пожелаю.

Народ Цзе издавна похищал ханьских детей, чтобы вырастить из них преданных псов, — об этом Ли Яо знал не понаслышке. Некоторое время он молчал, затем поднял с лавки халат и набросил на израненные плечи юноши.

— Ты ведь пришёл спросить, почему я преследовал молодого господина Цзинпина? — спросил Иншу.

— У тебя есть какие-то условия? Хочешь, чтобы я вытащил тебя отсюда?

Иншу покачал головой:

— Облегчи мои муки. Подари мне быструю смерть.

Ли Яо помолчал, обдумывая его слова, и наконец кивнул:

— Хорошо.

Лицо Иншу озарила слабая улыбка:

— Сверху пришёл указ: разыскать отрока тринадцати-четырнадцати лет. При нём должно быть кольцо из белого нефрита, украшенное кровавой жилкой. На обличительном свитке его лик схож с обликом молодого господина Цзинпина процентов на семьдесят, только черты лица у того мальчика тоньше, женственнее.

Эти слова расставили всё по своим местам. Очевидно, рисунок делали по памяти, ориентируясь на черты лица герцогини Синь, а кольцо из белого нефрита Ли Яо самолично видел у Цзинпина, когда спас его много лет назад.

— Зачем его ищут? И что особенного в этом кольце? — спросил Ли Яо.

Иншу ответил:

— После того как армия Цзинь разгромила царство народа Цзе, племя Цзе раскололось. Великий жрец и выжившие члены правящего дома уже много лет ведут междоусобную борьбу. Никто из них не желает признавать, что именно по их приказу была вырезана семья герцога Синя. Им нужен наследник, дабы докопаться до истины: кто именно устроил ту резню, которая в итоге навлекла гнев Южной Цзинь и привела к падению их державы.

— Но разве то убийство совершили не люди из Управления Тайного Механизма? — нахмурился Ли Яо.

— Этого мне неизвестно, — покачал головой Иншу.

Ли Яо опустил веки. В неверном полумраке его глаза казались глубокими бездонными омутами. Помолчав, он задал последний вопрос:

— Кто твой наставник? Как с ним связаться?

— В Управлении Тайного Механизма на этот счёт строгие правила, — отозвался Иншу. — Все встречи и места сбора назначаются сверху вниз, связь исключительно односторонняя. Тот лазутчик, которого вы схватили в чайной... Если бы он не успел повидаться со мной накануне, вы бы ни за что не вытянули из него ни единой ниточки, ведущей ко мне. — Он приподнял бровь, глядя на собеседника. — Большого я не знаю. Хотя в моих жилах и течёт ханьская кровь, взрастил меня народ Цзе. Оказавшись меж двух огней, я прошу лишь об одном — прекрати мои мучения.

Ли Яо почувствовал, как к горлу подкатил тяжёлый ком. Несмотря на разность их судеб, слова юноши оставили горький осадок.

— С чего ты взял, что я стану тебе помогать? — тихо спросил он.

<http://bllate.org/book/18368/1760217>